

УДК 327

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.36.17>

Отражение внутрисистемного¹ конфликта в Монголии

К. Дэмбэрэл

Институт международных отношений МАН, г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация. Затрагивается вопрос внешней политики Монголии в годы холодной войны. Выделяются два периода развития дипломатических отношений и выстраивания внешней политики Монголии. Анализируются два периода конфликта: в 1946–1960-е гг. конфликт двух систем – капиталистической и социалистической, период с середины 1960-х гг. до середины 1980-х характеризуется конфликтом внутри одной системы – социалистической. Отмечается влияние обстановки, в которой МНР вела дипломатическую работу, на ее положение как страны, оказавшейся в положении буфера во время внутрисистемного конфликта между КНР и СССР.

Ключевые слова: Монголия, Советский Союз, КНР, холодная война, советско-китайские отношения, советско-монгольские отношения, конфронтация, системный кризис.

Для цитирования: Дэмбэрэл К. Отражение внутрисистемного конфликта в Монголии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 17–25. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.36.17>

Во внешнеполитической деятельности Монголии времен холодной войны выделяют два периода: конфликтный период двух систем (1946–1964 гг.) и внутренний конфликтный период социалистической системы (1965–1985 гг.). Первый период конфликта еще не оказал явного и значительного влияния на внешнюю политику Монголии, поскольку это был этап расширения ее внешних связей внутри (в рамках) системы. Поэтому, используя этот «благоприятный период» внешних связей, Монголия успела установить дипломатические отношения [4, с. 496–502] почти с 30 социалистическими и лояльными к ним странами.

Поскольку период внутреннего конфликта – конфликта внутри социалистической системы, или, как его еще характеризуют, конфронтационный период в советско-китайских отношениях, связан с процессом определения международных отношений страны в целом, его изучение представляется весьма актуальным. Имеются основания полагать, что конфликт между двумя странами в рамках одной системы подтолкнул Монголию к установ-

¹ Внутренний конфликт социалистической системы.

лению отношений с ведущими странами капиталистического лагеря. Иными словами, выбрав тактику «если ни с кем из конфликтующих, то хоть с кем угодно», Монголия установила дипломатические отношения с Великобританией, Австрией, Финляндией, Швейцарией, Швецией, Францией, Норвегией, Данией, Бельгией, Японией, Канадой, ФРГ. Если быть точнее, дипотношения с вышеперечисленными странами были установлены в первые 10 лет обострения конфликта между двумя странами социалистической системы – в начале 1960-х – начале 1970-х гг. [Там же].

Анализ внешнеполитической концепции и деятельности Монгольской Народной Республики после окончания Второй мировой войны и до 1990-х гг. в условиях двуполярности мира, конфликта между социалистической и капиталистической системами и холодной войны между США и СССР позволит нам точно определить суть внешних отношений Монгольского государства. Вовлеченность Монголии в эти два разных по составу участников конфликта повлекла за собой негативные последствия для внешней политики нашей страны. Дело в том, что если противостояние западных стран, возглавляемых США, и государств социалистической системы под предводительством СССР в годы холодной войны сделало невозможным отношения Монголии с США и со странами Западной Европы, то конфликт между СССР и КНР, основанный на борьбе за лидерство в социалистической системе, привел Монголию к установлению только односторонних связей в ее внешней политике. Вследствие всех этих событий Монголии пришлось смотреть на внешний мир «в одно окно», что в свою очередь привело к тому, что страну назвали «государством-сателлитом» Советского Союза.

В 1955 г. американский монголовед О. Латтимор разработал «теорию государства-сателлита», опираясь на монголо-советские отношения, в которых он усматривал много плюсов для обеих стран. И хотя Монголия получала и позитивные, и негативные результаты от отношений с СССР, став его «государством-сателлитом», не только во времена холодной войны (в течение 40 лет), но и на протяжении 70 лет, тем не менее у нее появилась возможность «перехода к новому порядку современной культуры и цивилизации» [1, с. 14].

Особенность внешнеполитического положения Монголии в годы холодной войны заключается не в том, что основной упор делался не на разногласия между СССР и США – между социалистической и капиталистической системами, а на конфликт между СССР и КНР, т. е. конфликт между двумя государствами внутри одной системы. Поскольку противоречия разгорелись внутри одной системы, конфликтная ситуация не была развернута на протяжении всего временного периода, в некоторых моментах даже возникало тройное взаимодействие, что позволяло развивать отношения трех стран как субъектов одной системы в прямом смысле. В период стабилизации трехсторонних отношений Монголия расформировывала свои пограничные войска [8, с. 207], советские войска также были выведены из МНР. Кроме того, именно в это время был построен железнодорожный коридор

через Монголию в Китай. По монгольской железной дороге Китай осуществлял транспортировку товаров, поставлявшихся в СССР и Восточную Европу, что положительно отразилось на бюджете Монголии. Однако транзитные грузоперевозки через Маньчжурию, как сказал в 1964 г. Ю. Цеденбал на встрече с руководством Польши, «вызвали проблемы с нашим платежным балансом»², добавив, что «это один из способов с китайской стороны ущемления в политической и экономической сферах». Монголо-советско-китайские отношения того времени также подтвердили теорию, что трехсторонние связи на международном уровне не могут быть прогрессивными и долгосрочными. Таким образом, нашел подтверждение принцип «третьего лишнего», который заключается в том, что отношения могут быть лишь между двумя странами. Перед МНР возник вопрос: чьим буфером быть?

В международных отношениях широко распространена практика обеспечения безопасности посредством буферного государства. К примеру, по итогам Второй мировой войны между СССР и Западной Европой была создана «буферная зона», включавшая группу социалистических стран Восточной Европы. Восточноевропейские страны социалистического лагеря были «щитом» между Советским Союзом и Западной Европой и в прямом смысле слова пребывали в состоянии «печного ухвата» конфликта между двумя системами. Что касалось Монголии, то она находилась в положении «печного ухвата» в конфликтной ситуации между двумя противоборствующими державами одной системы.

Основным критерием, который выделял буферное государство из прочих, является достаточно длинная территориальная линия, но не широкая, и выгодное военно-стратегическое положение. На протяжении всего XX столетия Монголия отвечала таким требованиям в отношении СССР. И связано это с тем, что пока поддерживались добрые отношения между Россией и Китаем, от буфера ничего особенного не требовалось. Его значимость становилась выраженной, когда отношения сторон обостряются. Поэтому еще в 1983 г. в требованиях Китая были отражены основные условия нормализации советско-китайских отношений и прекращения холодной войны в Азии, которые заключались в выводе советских войск из Монголии или отведении советских войск и техники от китайской границы³.

Если межсистемные разногласия удавалось регулировать посредством «силового баланса», то внутрисистемное противоречие решалось односторонним доминированием. Причиной распри выступила «политическая карта мира», сложившаяся по итогам Второй мировой войны, которая не вполне устраивала Китай [8, с. 213–216].

С середины 1950-х гг. обозначился «межпартийный» вопрос между Коммунистической партией СССР и КП Китая. Советские исследователи советско-китайский конфликт в целом характеризовали так: «разногласия, возникшие между партиями, носят идеологический характер» [2, с. 241].

² Центральный архив Министерства иностранных дел Монголии. Фонд (ГХТА). Ф. 7. Д. 01. ХН. 60.

³ Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС от 31 мая 1983 г.

Заключение ученых о том, что советско-китайский конфликт является «разногласием между партийной теорией и идеологией», ошибочно, ввиду того что возникшие разногласия все же являлись конфликтом интересов и вызваны были нежеланием сторон оказаться в подчинении друг у друга внутри системы. По мере развития противостояния советские идеологи стали сравнивать политику и действия Китая с деятельностью стран капиталистического толка.

Следующей ареной раздора между Советским Союзом и Китаем стали новые независимые страны Азии и Африки, или так называемый третий мир. Соперничество за влияние в Азии, Африке и Латинской Америке двух наших соседей стало еще одной составляющей их конфликта [2, с. 264], который начался еще в 1950-х гг. с соперничества Советского Союза и Китая за получение бóльшего влияния на Монголию. В то время активно пропагандировалась идея некапиталистического развития, в свете которой «подтянутая Монголия» служила бы примером для многих приобретавших свою независимость стран Азии и Африки. Позиция Советского Союза по поводу Тайваня и Индии в конце 1950-х гг. привела к поворотному моменту⁴ в его отношениях с Китаем.

Подписание соглашения о границе между Монголией и Китаем в декабре 1962 г. могло быть результатом предпринятых шагов китайской стороны, направленных на то, чтобы Монголия придерживалась нейтралитета в советско-китайском конфликте [8, с. 229]. Однако предложение советской стороны разрешить пограничный вопрос, поступившее в разгар советско-китайской конфронтации, а именно в 1964 г., подействовало как соль на рану. Советско-китайские отношения обострились к 1960-м гг., и начался этот процесс с вывода советских специалистов (16 июля 1960 г.) из Китая и взыскания с него долгов. В 1962 г. советско-китайские деловые связи достигли своей нижней точки. В 1963 г. конфликт в советско-китайских отношениях всплыл наружу.

Конфликт между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой разгорелся в результате борьбы за лидерство в социалистической системе, стороны придерживались жесткой позиции защиты своих интересов, что привело к обвинению друг друга в отступлении от «марксистско-ленинской идеологии». У Китая не было другого пути, кроме как начать социальную революцию, опиравшуюся на крестьянство и ставившую его интересы на первое место. Марксизм называл крестьянство «не крайне малоимущими», а владеющим определенным имуществом, соответственно, марксизм-ленинизм не поддерживает частную собственность. Это одна из версий политологов, объясняющая истоки этого идеологического конфликта.

Однако отношение Советского Союза к Китаю, как к «младшему брату», и желание повести его за собой привело к непониманию китайской фи-

⁴ Discussion between N.S. Khrushchev and Mao Zedong // October 02, 1959. Archive of the President of the Russian Federation (APRF). F. 52. Op. 1. D. 499. L. 1–33, copy in Volkogonov Collection, Manuscript Division, Library of Congress, Washington, D.C. Translated by Vladislav M. Zubok. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112088> (дата обращения: 13.05.2021).

лософии «борьбы и стремления к прогрессу во всем» [5, с. 164–165], что и спровоцировало конфликт. Эти разногласия в конечном итоге вынудили конфликтующие стороны прибегнуть к силовому способу разрешения вопроса (ввод советских войск в Монголию, Даманский инцидент на советско-китайской границе, идеологическая борьба и т. д.). В результате все это привело к провозглашению Китаем своей непричастности к социалистической системе в середине 1970-х гг. Китай ловко использовал ситуацию, чтобы начать переход к капиталистической системе [6, с. 112]. Даже во времена очевидной эскалации напряженности между двумя системами или во время Карибского кризиса (ракетной войны) между сторонами не было конфронтации, но китайско-вьетнамская война показала, что конфликт внутри системы был гораздо острее. А это еще одна особенность холодной войны.

Нельзя отрицать, что инцидент на острове Даманский и война во Вьетнаме, во-первых, служили для китайского руководства тактикой сдерживания Советского Союза, а во-вторых, тактикой сближения с США. В 1969 г. Соединенные Штаты дали Китаю импульс для установления дипломатических отношений, и шанс был тут же использован. Советско-китайская война была неизбежна, и высказывались небезосновательные предположения, что она будет вестись на территории Монголии. Территориальный спор между Советским Союзом и Китаем был выявлен [7, с. 399] в 1964 г., когда стороны обменялись картами и китайцы ввели такое понятие, как «потерянная территория» [8, с. 258].

Соглашение 1989 г. о выводе советских войск из Афганистана и Монголии, выводе вьетнамских войск из Камбоджи и сокращении численности советских войск на границе с Китаем стало «началом новых советско-китайских отношений». Соглашение между М. Горбачевым и Дэн Сяопином ознаменовало начало этапа, в котором «две страны смотрят в будущее, а не в прошлое», что стало основой для нынешних «интенсивных отношений». Дело в том, что во время визита президента РФ Б. Н. Ельцина в Китай 17–19 декабря 1992 г. стороны одобрили дальнейшее развитие отношений совместной Пекинской декларацией об основах двусторонних отношений, которая базировалась на согласованных во время визита в 1989 г. президента СССР Михаила Горбачева принципах. Совместное советско-китайское заявление 1989 г. легло в основу российско-китайских деклараций 1993 и 1994 гг. и обеспечило условия для заключения Договора о сотрудничестве в 2001 г. [3, с. 6–8].

Для Монголии был естественным вопрос следования за сильнейшей стороной в системе. Раз она не могла влиять на внешнюю политику своих соседей, то вынуждена была выбрать одного из них в качестве союзника, принять его политику [5, с. 134]. И Монголия сделала свой выбор в пользу СССР.

Первые проявления внутрисистемного конфликта начали выходить наружу через соперничество СССР и Китая в Монголии, что выражалось в словах и действиях Н. Хрущева. Однако возможности для длительного продолжения такой ситуации в Монголии не было.

Монгольская Народная Республика стала неотъемлемой частью мировой социалистической системы, что определило внешние условия ее независимого развития [6, с. 108]. Более 30 лет социалистической трансформации Монголии совпадают [Там же, с. 106] с 40-летней холодной войной между социалистическим и капиталистическим лагерями, но правильнее было бы ссылаться [1, с. 91] лишь на 20 лет «конфликта между двумя соседними державами», нежели на «системный конфликт».

Отношения со странами социалистической системы протекали в большом диапазоне политических, экономических, культурных и идеологических сфер. Хотя отношения опирались на идею социалистического сотрудничества и пролетарского интернационализма, они открыли перед Монгольской Народной Республикой широкий спектр возможностей для наращивания своих внешних связей, укрепления своего авторитета на международной арене, обеспечения своей независимости и суверенитета и повышения своего внутреннего экономического и культурного потенциала.

Конфликты в социалистических странах Восточной Европы не оказали сильного влияния на Монголию [6, с. 110]. Однако события в Венгрии 1956 г., Чехословакии 1968 г. и Польше 1981 г. продемонстрировали, какими могут быть последствия конфликта с лидером социалистической системы в лице Советского Союза, и преподали Монголии хороший урок в скрытой форме. Поэтому в советско-китайском конфликте ей не оставалось другого выбора [8, с. 230], как следовать за своим северным соседом.

С 1960 г. начался этап строительства материально-технической базы социализма. Хотя Монголия была относительно некомпетентной в экономическом отношении по сравнению с восточноевропейскими союзниками, для Советского Союза было важно представлять страну-сателлит как образец для подражания для Восточной Европы. Политические события в Восточной Европе в 1950-х и 1960-х гг. привели к появлению в 1970-х гг. «Доктрины Брежнева», которая заключалась в ограничении суверенитета стран Восточной Европы.

Первое прямое осуждение китайской стороны в советско-китайском конфликте было сделано Чехословакией 21 июля 1963 г., Монголией 22 декабря 1963 г., Болгарией 21 марта 1964 г., Германской Демократической Республикой (ГДР) 23 апреля 1964 г., Польшей в июне 1964 г. Таким образом, Восточная Европа ограничилась одним заявлением, а направление 12 июня 1964 г. Монголией в адрес КПК еще одного письма свидетельствует о том, что данный конфликт оказал на монгольскую сторону большее влияние.

С 1963 г. Н. С. Хрущев [8, с. 252] предложил присоединиться Монгольской Народной Республике к Варшавскому договору, однако это предложение было отклонено Румынией на том основании, что «основное содержание направлено против Китая». Запад не мог вмешиваться в ситуацию в Восточной Европе с применением военной силы, так как это было «делом того хозяина», который мог делать «все, что он хотел» в зоне своего влияния.

В 1964 г. китайско-советская торговля практически прекратилась, а объем монголо-китайской резко сократился. В том же году польские руко-

водящие должностные лица на встрече с Ю. Цеденбалом заявили, что «полюсика в коммунистическом движении достигла своего пика»⁵, высказавшись в поддержку Китая: «Пусть в нашем социалистическом лагере будет хотя бы две страны, владеющие ядерным оружием». В 1965 г. Китай отозвал своих рабочих из Монголии. Поступления от транзитных грузоперевозок между Китаем и Советским Союзом и Восточной Европой и Китаем через Монголию прекратились. Сотрудничество Монголии с Советом экономической взаимопомощи (СЭВ) началось с того момента, как торгово-экономические отношения Монголии с Китаем впали в стагнацию. Все акты и мероприятия СЭВ носили декларативный характер, поэтому вопросы регулировались двусторонними соглашениями. В 1965 г. Монголия обеспечивала 15 % потребности советского мясного рынка [8, с. 243]. В 1975 г. расширился ассортимент монгольской экспортной продукции, а производство обработанных продуктов сравнительно увеличилось.

В 1970-х гг. климат холодной войны между двумя системами несколько смягчился, что привело к тому, что Китай «проиграли» Соединенным Штатам, соответственно, СССР был вынужден изменить вектор своей внешней политики. Если до конца 1980-х гг. основным фактором глобального мирового кризиса и обострения ситуации все еще оставался идеологический конфликт между двумя системами, то советско-китайское противостояние было советским военным вопросом в Монголии, Афганистане и Вьетнаме [1, с. 92].

После Хельсинкской конференции, состоявшейся в начале 1970-х гг., разногласия между двумя системами утихли, но внутри социалистической системы ситуация, возникшая в 1960-х гг., обострилась, что привело МНР к негативным политическим, экономическим и эмоциональным последствиям. Китай предпринял шаги по нормализации отношений с Соединенными Штатами и Японией, объявив Советский Союз своим «главным противником» и заключив «необъявленное соглашение» с США. Эти действия дали понять, что партнеры Китая являются врагами Монголии. Размещение советских войск в Монголии стало еще одним из факторов, осложнивших монголо-китайские отношения. С середины 1970-х Монголия была готова к переходу на военные условия [1, с. 95], а в 1967 г. двусторонние отношения достигли уровня временной зависимости. Но несмотря ни на что, Монголия во все времена придерживалась позиции нормализации и развития отношений с Китаем. Советско-китайский конфликт привел к раскрытию некоторой «конфиденциальной» информации в оборонной области двух систем, что дало определенную возможность противостоящей системе [2, с. 239]. За 20 лет советско-китайского глубочайшего конфликта монголо-китайские отношения практически перешли в замороженное состояние.

Внутрисистемный конфликт четко обозначил статус-кво Монголии. Систему нельзя рассматривать как единое целое, поскольку внутри системы существовало множество различий и разногласий. Наша страна продолжала

⁵ Центральный архив Министерства иностранных дел Монголии. Фонд (ГХТА). Ф. 7. Д. 01. ХН. 42.

выполнять роль государства-щита для смягчения конфликтов в рамках одной системы в период холодной войны.

Главенствующую роль в конфликте внутри системы играла «идеология сверхдержавы и националистические взгляды» [8, с. 250]. Конфликты внутри двух систем не могут быть ограничены только советско-китайскими разногласиями. Но разногласия возникали не только внутри социалистической системы, в капиталистической системе также разгорались конфликты интересов – между США и ФРГ. И хотя конфликты в любой системе внешне выражаются как «две системы», корень их заложен все-таки в интересах любого государства. Антисоветские настроения в Польше были вызваны не столько неприятием «коммунизма»⁶, сколько идеологической ненавистью к русскому «белому царю».

Подытоживая, можно сказать, что целесообразнее будет считать, что если последствия 40-летней холодной войны в значительной мере проявлялись в Восточной Европе, то 20-летний конфликт в рамках социалистической системы оказался более ощутимым для Монголии.

Список литературы

1. Исторический обзор внешней политики Монголии XX века / под ред. Ц. Гомбосүрэн. Улан-Батор : МИД Монголии, 2004. 559 с.
2. Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения (1945–1977). 2-е изд., доп. М. : Мысль, 1979. 582 с.
3. Дэмбэрэл К. К вопросу периодизации российско-китайских отношений (1991–2020) (ОХУ ба БНХАУ-ын харилцааны үечлэлийн асуудал (1991–2020) // Бодлогын зөвлөмж (Policy news). МонГУ : Институт международных отношений. 2020. 10. № 16. С. 6–8.
4. Дэмбэрэл К. Основы теории и практики международных отношений. Улан-Батор : Адмаркетпринт, 2018. 570 с.
5. Латтимор О. Кочевники и революционеры. Возвращение в Монголию. Улан-Батор : Бембисан принт, 2019. 192 с.
6. Лхамсүрэн Б. Внешняя среда Монголии – государственная независимость. Улан-Батор : Ин-т истории АН, 1995. 126 с.
7. Катица М. С. КНР: Три десятилетия – три политики. М. : Политиздат, 1979. 576 с.
8. Тумурхуулэг Г. Россия, Монголия и Китай: политические и дипломатические отношения (1917–1990). Улан-Батор : Адмонпринт, 2016. 288 с.

Manifestation of the Internal Systemic Conflict in Mongolia

K. Demberel

Institute of International Affairs MAS, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. The article deals with the issue of Mongolia's foreign policy during the Cold War. This period is divided into two parts. The first period, 1945-1960s, is a period of conflict between two systems: socialism and capitalism. In this first period of the Cold War Mongolia managed to establish diplomatic relations with socialist countries of Eastern Europe, as the “system allowed”. The second period, from the mid-1960s to the mid-1980s, is the period of

⁶ Центральный архив Министерства иностранных дел Монголии. Фонд (ГХТА). Ф. 7. Д. 01. ХН. 93.

the conflict of the socialist system, the period of the Soviet-Chinese confrontation. During this period Mongolia's foreign policy changed dramatically and focused on the Soviet Union. This was due to the Soviet investment «boom» that began in 1960s and the entry of Soviet troops on the territory of Mongolia in 1967. The Soviet military intervention into Mongolia was one of the main reasons for cooling the Soviet-Chinese relations. And military withdrawal contributed to the improvement of Soviet-Chinese relations until the mid-1980s and one of the conditions for improving relations with their neighbors. The internal systemic conflict had a serious impact on Mongolia's foreign policy over those years.

Keywords: Mongolia, the Soviet Union, China, Cold War, Soviet-Chinese relations, Soviet-Mongolian relations, confrontation, systemic crisis.

For citation: Demberel K. Manifestation of the Internal Systemic Conflict in Mongolia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 36, pp. 17-25. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.36.17> (in Russian)

References

1. *Istoricheskii obzor vneshnei politiki Mongolii XX veka* [Historical survey of the Mongolian Foreign Policy in one hundred years]. Ulaanbaatar, 2004. 559 p. (in Mongolian)
2. Borisov O.B., Kolosov B.T. *Sovetsko-kitaiskie otnosheniya (1945-1977)* [Soviet-Chinese relations (1945-1977)]. Moscow, Mysl Publ., 1979. 582 p. (in Russian)
3. Demberel K. Periodizatsiya Rossiko-Kitaiskoe otnoshenie (1991-2020). *Policy news*, 2020, vol. 10, no. 16, pp. 6-8. (in Mongolian)
4. Demberel K. *Osnovi teorii I praktiki mejdunarodnikh otnoshenii* [On the theory of the international relations and its core practices]. Ulaanbaatar, Admarket print., 2018, 570 p. (in Mongolian)
5. Lattimor O. *Kochevniki I revoliyutseneri. Vozvrashenie v Mongoliyu* [Nomads and Commissars: Mongolia Revisited]. Ulaanbaatar, 2019. Bembi san print, 192 p. (in Mongolian)
6. Lkhamsuren B. *Vneshnyaya sreda Mongolii – gosudarstvennaya nezavisimosti* [Mongolia's external environment – State independence]. Ulaanbaatar, 1995. 126 p. (in Mongolian)
7. Kapitsa M.S. *KNR: tri desyatiletiya- tri politiki* [Three decades – three policies]. Moscow, 1979, 576 p. (in Russian)
8. Tumurkhuleg G. *Rossiya, Mongolia I Kitai; politicheskie I diplomaticheskie otnosheniya (1917-1990)* [Russia, Mongolia and China: Political and Diplomatic Relations (1917-1990)]. Ulaanbaatar, 2016, 288 p. (in Mongolian)

Колыгийн Дэмбэрэл

*Ph.D, старший научный сотрудник,
координатор Центра изучения
Центральной Азии
Институт международных отношений
МАН
Монголия, 15170, г. Улан-Батор,
II здание Академии наук, Баруун Сэлбэ-15,
район Чингэлтэй,
e-mail: kdembee@gmail.com
ORCID 0000-0002-7671-3563*

Kolyagiin Demberel

*Ph.D, Senior Researcher, Coordinator
of the Center for Central Asian Studies
at the International Maritime Organization
Institute of International Relations MAS
15, Baruun Selbe st, Chingeltei district,
Ulaanbaatar, 15170, Mongolia
e-mail: kdembee@gmail.com
ORCID 0000-0002-7671-3563*